символ корабля на многожанровом материале промыслового фольклора поморов (*Ю.А. Давыдова*), образы-маски «инородцев» и «иноверцев» в обрядовом ряженье славянских народов (*О.В. Белова*), гармонист в частушке и массовой песне как поздняя трансформация архетипического образа музыканта (*Е.А. Костюхин*). Исследуются такие художественные средства фольклора, как образный параллелизм, в недрах которого рождается и эволюционирует символическая образность народной лирики (*С.И. Доброва*), балладные формулы славян, позволяющие говорить о процессах сотворчества, наследования, взаимовлияния в передаче эпоса во времени (*А.В. Кулагина*), вербальные и обрядовые средства, закрепляющие и усиливающие магическое воздействие в русских любовных и лечебных заговорах (*Ю.М. Киселева*), различные типы влияния рассказчика на создаваемый им текст в русских быличках о колдунах-оборотнях, что проливает свет на соотношение мемораторов и фабулатов в устной прозе (*Н.Е. Котельникова*).

Большим достоинством книги представляется завершающий ее полный библиографический список трудов В.Г. Смолицкого (включая публикации 2001 г.), подготовленный *Н.Р. Тимониной*. Он прекрасно отражает всё то, чем на протяжении многих лет занимался юбиляр: древнерусская литература и история, фольклор, история фольклористики, народная художественная культура, этнография, творчество А.С. Пушкина, Н.Г. Чернышевского, Б.Л. Пастернака, традиции и современность в культуре и др.

Строгость и цельность придает сборнику единообразие в оформлении научного аппарата статей. На наш взгляд, юбилейный научный сборник получился образцовым для подобного рода изданий. Среди немногих недостатков книги можно назвать отсутствие цветных иллюстраций к статьям о вышивке и глиняной игрушке (к первой даны черно-белые, во второй их вообще нет). Также огорчает, что в сборник не включена рубрика «Наши авторы», как это принято в других изданиях ГРЦРФ. Остается сожалеть, что слишком малый тираж (300 экземпляров) сразу же делает книгу библиографической редкостью, тогда как она могла бы стать достоянием многих, потому что может быть интересной и всем знающим В.Г. Смолицкого, и исследователям (в том числе начинающим — студентам, аспирантам), и широкому кругу ценителей традиционной культуры и национальной истории.

Е.А. КОСТЮХИН
(Санкт-Петербург)

КНИГА О ПЕТРЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ БОГАТЫРЕВЕ

Рецензия на: *Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи / Сост. и отв. ред. Л.П. Солнцева. — СПб.: «Алетейя», 2002. — 366 с.*

Сборники подобного типа выходят у нас, к сожалению, нечасто. Настоящая книга интересна тем, что об ученом, скончавшемся треть века назад, пишут знавшие и помнящие его коллеги, ученики и последователи. Задачи, стоящие перед авторами и ответственным редактором, не столь просты, как может показаться. Каким требованиям должен отвечать сборник такого жанра? Воспоминания призваны воскресить характерные черты личности ученого, открыть новые факты его биографии — не случайные, но важные для понимания его личности. В статьях должны учитываться основные направления творческой деятельности ученого, развиваться некогда высказанные им положения. Это как бы продолжение прерванного разговора на тему, некий несмолкающий диалог.

Рецензируемая книга в целом отвечает перечисленным требованиям. Благодаря удачно подобранным воспоминаниям и документам, касающимся научной биографии П.Г. Богатырева, в сборнике бережно воссоздается облик обаятельного человека и талантливого разностороннего ученого. Здесь и переписка П.Г. Богатырева, подготовленная к изданию *С.П. Сорокиной* [с. 120—136], и опубликованные *Х. Бараном* свидетельства о совместной деятельности П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона (из архива последнего) [с. 137—157][1], и обозначенные

[1] Может быть, стоило дать в переводе и статью Р.О. Якобсона о его знаменитом коллеге: русскому читателю она мало доступна, и знакомство с нею оказалось бы в высшей степени полезным [Jakobson 1976].

Л.П. Солнцевой культурные контакты П.Г. Богатырева с пражскими театроведами [с. 75—108]. Публикация документов и писем всегда дает читателю ценнейший материал для наблюдений и размышлений. Остается лишь пожалеть, что в результате компьютерной верстки были искажены иностранные подлинники. Так, публикуемое польское письмо Ренаты Майеновой Р.О. Якобсону превратилось в шараду, поскольку оно оказалось напечатанным без диакритических значков, необходимых для разумения [с. 152—153].

Несколько в тени осталась одна черта облика П.Г. Богатырева: он не только писал о народном театре, не только исследовал народную смеховую культуру и блистательно перевел роман Я. Гашека о Швейке, но и в жизни своей воплощал принципы этой культуры (что прекрасно передано В.Б. Шкловским в его известных воспоминаниях [Шкловский 1996, 200—201]). В отмеченной статье Р.О. Якобсон также оценивает «театральность» поведения П.Г. Богатырева как один из ведущих жизненных принципов ученого. Чего стоит хотя бы образ подслеповатого профессора, который в бинокль ищет на книжных полках нужную книгу!

В рецензий нет необходимости напоминать о том, что нового внес П.Г. Богатырев в изучение традиционной культуры. Отметим лишь главное. Он ввел в научный оборот новый термин — *функция*. Логика развития науки была такова, что от описания фактов наука должна была прийти к «закономерному» вопросу: зачем всё это, какую роль (функцию) играют описанные факты в поле культуры? Весомость научных изысканий определяется не только личным талантом — открытия великих ученых отвечают духу времени. Не удивительно, что приблизительно в то же самое время к «функциональной теории» приходит Бронислав Малиновский. П.Г. Богатырев не был осведомлен о разысканиях английского ученого на далеком океанийском материале, но их научная мысль двигалась в одном направлении, как оказалось, весьма перспективном. О взаимоотношениях «синхронистического» метода П.Г. Богатырева и «антропологического» Б. Малиновского пишет в рецензируемой книге *В.Е. Гусев* [с. 65—74].

Несомненное дарование П.Г. Богатырева сказалось в том, что он умел видеть народную культуру как целое: «Отдельные виды народного искусства органически связаны между собой и составляют единое целое, единую художественную структуру» [Богатырев 1971, 430]. Данное положение звучит как завет выдающегося ученого потомкам, всё еще рассматривающим эти отдельные виды порознь, так что между «прикладниками» и «словесниками» оказывается мало точек соприкосновения. Современные исследователи научного наследия П.Г. Богатырева правы, когда говорят о том, что он работал в разных направлениях — этнографическом, фольклористическом и театроведческом. Только для П.Г. Богатырева эти «направления» существовали в единстве.

Во многих статьях видных ученых из разных стран поводом к размышлению и дальнейшему обсуждению послужили положения П.Г. Богатырева. Так, *Хеда Ясон* вносит необходимые, на ее взгляд, коррективы в указанную статью П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона о фольклоре [с. 158—179]; *С.Ю. Неклюдов* определяет границы импровизации в текстах о Фоме и Ерёме, занимавших некогда Петра Григорьевича [с. 246—259]; *А.Ф. Некрылова* показывает, как развивалась устная реклама у петербургских разносчиков [с. 260—287]; *А.В. Часовникова* рассматривает действо Богоявления, исходя из замечаний П.Г. Богатырева о полифункциональности народных зрелищ [с. 208—233]; принимая во внимание написанное П.Г. Богатыревым о дьяволе в славянской народной культуре, *Л.А. Софронова* анализирует концепции украинского философа Г. Сковороды (исследовательница формулирует свою задачу буквально как продолжение штудий П.Г. Богатырева, но с ориентацией на современные представления о смысловых оппозициях и культурных кодах) [с. 288—300]; суждения П.Г. Богатырева стали отправными в статьях *В.В. Усачевой* [с. 301—307] и *Н.М. Ведерниковой* [с. 308—322].

Порою публикации в сборнике звучат полемично по отношению к научной позиции

П.Г. Богатырева. Так, *В.П. Аникин*, вглядываясь в исследование Богатырева о «збойницком цикле» в словацком фольклоре, не склонен разделять мнение ученого об «органическом целом» и настаивает на автономной художественной специфике каждого из видов народного искусства. Заслугу П.Г. Богатырева он видит не в универсальном восприятии народной культуры, а в том, что тот принципиально отличал «кустарное ремесло» от фольклора как массового словесного искусства. По мнению В.П. Аникина, П.Г. Богатырев решал исключительно историко-филологическую задачу. Думается, П.Г. Богатырев согласился бы не со всеми положениями, высказанными и в других статьях (упрощенным, на наш взгляд, выглядит суждение Н.М. Ведерниковой: «Прялка с цветочной росписью, сопровождая девушку на посиделки, символизировала ее молодость и красоту» [с. 313]). Но это вполне естественно: не робкое следование учителю, а развитие его идей, внутренняя полемика с ним — лучшая дань его памяти и подтверждение плодотворности его научного наследия.

В начале нашей рецензии мы представили идеальный облик сборника «в честь», отвечающего соответствующим требованиям. Рецензируемая книга таким требованиям вполне отвечает. Актуальность теоретических положений П.Г. Богатырева в области традиционной культуры, то место, которое он занимает в истории науки, его обаяние и безукоризненная честность — всё это свидетельствует о закономерности появления такого рода книги. Отрадно, что она получилась удачной.

Литература

Богатырев 1971 — *Богатырев П.Г.* К вопросу о сравнительном изучении народного словесного, изобразительного и хореографического искусства у славян // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 422—431.

Шкловский 1996 — *Шкловский В.Б.* Жили-были. М., 1996.

Jakobson 1976 — *Jakobson R.* Petr Bogatyrev (29.I.93 — 18.VIII.71): Expert in Transfiguration // Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle / Ed. by L. Matejka. Ann Arbor, 1976.

ВТОРЫЕ ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

21—23 февраля 2003 г. в Челябинской государственной академии культуры и искусств проходили Вторые Лазаревские чтения, посвященные 75-летию со дня рождения известного ученого, исследователя уральского фольклора Александра Ивановича Лазарева (1928 — 2001).

Впервые чтения памяти А.И. Лазарева проводились в 2001 г. Во второй раз круг участников расширился. Среди докладчиков было много коллег и учеников Александра Ивановича, работающих в Челябинском Государственном университете (ЧелГУ), Челябинском Государственном педагогическом университете (ЧГПУ) и Челябинской государственной академии культуры и искусств (ЧГАКИ). Здесь собрались не только друзья А.И. Лазарева, но и молодые ученые из Екатеринбурга, Оренбурга, Кургана, Магнитогорска, Миасса, Уфы, Стерлитамака, Омска, Твери. Большой интерес конференция вызвала и у Государственного республиканского центра русского фольклора. Всё это свидетельствует о том, что Лазаревские чтения по праву приобрели статус всероссийской научной конференции и заняли свое место в ряду других научных форумов, проводимых уральскими фольклористами. Не случайно по итогам работы было принято решение придать Лазаревским чтениям регулярный характер.

Пленарное заседание открыл ректор ЧГАКИ доктор исторических наук, профессор *В.Я. Рушанин*. Приветствуя собравшихся, он отметил, что сам факт проведения Лазаревских чтений в стенах академии примечателен. А.И. Лазарев стоял у истоков этого вуза, немало сделал для его развития. Сегодня академия имеет возможность отдать дань памяти ученому, многие годы посвятившему воспитанию ее студентов.

Первый, установочный доклад на тему «Современный фольклорный процесс: проблемы исторической идентификации и стереотипы восприятия» сделал генеральный директор ГРЦРФ *А.С. Каргин (Москва)*. Он пригласил собравшихся к дискуссии; предложил вернуться к вопросам, которые из-за частого обсужде-